

МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

А. А. Мкртчян,
студентка ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»,
asmik-mkrtchyan@mail.ru
Научный руководитель:
Е. А. Хабарова,
доцент кафедры уголовного
права и процесса ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент,
e.a.khabarova@utmn.ru

На сегодняшний день в отношениях, возникающих в сфере уголовного процесса, одним из ключевых элементов являются меры пресечения. В целях осуществления расследования и разрешения уголовных дел без оказания препятствий, чтобы избежать вероятных попыток обвиняемого (подозреваемого) уйти, скрыться от органов, осуществляющих дознание, предварительное расследование и суд, стать помехой в установлении правоохранительными органами беспристрастной истины по расследуемому делу, уничтожить доказательства, продолжить противоправные деяния, в уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрена такая мера пресечения, как домашний арест [3; 90–96].

В связи с тем что число заключенных под стражу в России всегда являлось высоким, существовала перенаселенность камер, считаем актуальным рассмотреть вопрос, связанный с применением иных мер пресечения, а именно домашнего ареста. Обращаясь к Посланию Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию, в котором глава государства призвал в ходе осуществления следствия в качестве меры пресечения деятельно использовать применение домашнего ареста, можно сделать вывод, что данная тема действительно является актуальной [10].

Мера пресечения в виде домашнего ареста на сегодняшний день считается альтернативой к заключению обвиняемого (подозреваемого) под стражу. По статистике, заключение под стражу традиционно применялось судами намного чаще, чем домашний арест. Однако сейчас можно заметить тенденцию к постепенному снижению количества заявлений и удовлетворенных ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, что обусловлено ростом количества применения альтернативных мер пресечения, одной из которых является домашний арест. По данным прокуратуры Тюменской области, судами общей юрисдикции в Тюменской области в 2018 году было удовлетворено 68 ходатайств о применении домашнего ареста, а в 2019 году – 71. Наиболее активно меру стали использовать следователи СУ УМВД области в 2019 году – 48, в 2018 году – 34.

К примеру, 10 ноября 2019 года Ленинским районным судом г. Тюмени, в соответствии с позицией заместителя прокурора Ленинского АО г. Тюмени, отказано в удовлетворении ходатайства следователя СО по Ленинскому АО г. Тюмени СУ СК области об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении гражданина А., обвиняемого по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ, и избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Отказывая в удовлетворении ходатайства, суд ориентировался не только на тяжесть совершённого преступления, но и на положительные характеристики обвиняемого, а также тяжелое состояние его здоровья. Проанализировав статистику и судебную практику по применению домашнего ареста в Тюменской области, можно сделать вывод: как и в прошлые годы, на фоне применяемой меры пресечения в виде заключения под стражу мера пресечения в виде домашнего ареста, несмотря на ее развитие, используется следователями крайне редко.

По мнению практиков, возможно, это связано с тем, что следователи, ходатайствующие в суде о применении определенной меры пресечения в отношении подозреваемого (обвиняемого), полагают, что обвиняемых нужно помещать именно в СИЗО. Очевидно, что для правоохранительных органов работа и контроль за обвиняемым таким образом облегчаются. Например, некоторые следователи в ходатайстве указывают, что лицо не обременено семьей, официально не трудоустроено, обвиняется в совершении тяжкого или особо тяж-

кого преступления, а потому может скрыться, поэтому необходимо в отношении него применить заключение под стражу. Однако на сегодняшний день, в век современных технологий, это является абсурдным, так как контроль за обвиняемыми может совершаться очень легко, с помощью современных технических устройств, которые мы рассмотрим чуть позже в данной работе. Некоторые юристы утверждают, что «отправка в изолятор — это способ сделать человека сговорчивее и побудить его признать вину» [13].

Одним из гарантированных государством прав человека является свобода. При применении правоохранительными органами домашнего ареста свобода человека подвергается ограничению, это является причиной возможности реализации данной меры пресечения лишь по решению суда. Однако данное положение, вследствие отсутствия в Конституции прямого указания на применение домашнего ареста лишь по решению суда, вызвало очень много дискуссий. Например, обратимся к мнению В. М. Быкова, который утверждает, что сфера возможностей органов суда в досудебной части производства по уголовным делам чрезвычайно широка, поэтому можно данные возможности передать следователям, чтобы избрание меры пресечения в виде домашнего ареста происходило не по судебному решению, а с согласия прокурора [1; 14–20].

Правила, по которым осуществляется решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, закреплены в ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее также — УПК РФ).

По окончании рассмотрения судьей ходатайства о применении домашнего ареста в отношении подозреваемого им выносится постановление, в котором обязательно указывается жилое помещение, куда лицо будет помещено: это либо помещение, в котором лицо проживает на законных основаниях, либо, в случае если подозреваемому (обвиняемому) требуется лечение, медицинское учреждение. Данное помещение может не входить в жилищный фонд, важным обстоятельством является то, что строение обладает необходимыми условиями для проживания. В случае если у гражданина временная регистрация, в обязательном порядке осуществляется проверка соответствия места, где он зарегистрирован, с местом проживания, а также сроки регистрации [2; 12–15].

Следует обратить внимание на то, что мнение руководителей медицинских учреждений при этом не учитывается, что не вполне обосновано, ведь именно руководящий состав лучше всех знает особенности таких учреждений, условия нахождения в них. Именно поэтому мы считаем, что обоснованный отказ руководителя от помещения лица под домашний арест в медицинском учреждении может являться основанием для избрания другой меры пресечения.

В связи с тем что обвиняемый может не обладать жилищем на праве собственности, а, например, являться арендодателем либо проживать с родственниками, мы пришли к мнению, что необходимо помещать под домашний арест обвиняемого (подозреваемого) исключительно с согласия собственника жилья, разъяснив ему при этом, что возможны определенные ограничения и для тех, кто проживает в данном помещении. Для реализации сказанного предлагаем на законодательном уровне закрепить требование о полном разъяснении собственнику жилья вопросов применения домашнего ареста к лицу, проживающему в данном помещении, и ограничений, которые могут коснуться всех тех, кто проживает в данном жилище.

Запреты, приведенные в ч. 7 и отчасти в ч. 8 ст. 107 УПК РФ, в отношении лица, помещенного под домашний арест, назначаются судьей, принимающим во внимание данные о личности, его жизненных обстоятельствах, тяжести совершённого деяния. Указанные ограничения имеют шансы на изменение или отмену судом по ходатайству подозреваемого (обвиняемого), защитника, законного представителя, следователя либо дознавателя.

Некоторые эксперты считают, будто контроль за теми, в отношении которых применяется домашний арест, никак не может исполняться Федеральной службой исполнения наказаний, обеспечивающей контроль и надзор в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных [1; 19]. По их мнению, это нарушает право человека, ведь нарушается презумпция невиновности, так как статус подозреваемого еще не говорит о том, что человек действительно виновен, а за ним осуществляют надзор правоохранительные органы, которые обеспечивают исполнение уголовных наказаний. По нашему мнению, данный подход является неоправ-

данным, ведь, помимо домашнего ареста, существует такая мера пресечения, как заключение под стражу, где пребывание подозреваемых происходит в наиболее строгих условиях, их содержат в следственном изоляторе, который находится в ведении органов ФСИН РФ. Помимо сказанного, следует отметить также, что в зависимости от того, какой орган будет осуществлять надзорную функцию, суть ограничений и порядка их исполнения подозреваемым не изменится.

Контроль за подозреваемым (обвиняемым) начинает осуществляться со дня вынесения постановления об избрании меры пресечения. Сначала производится постановка на учет подозреваемого лица, далее ему разъясняются условия нахождения под домашним арестом, последствия нарушения данного режима, и подтверждаются данные действия подпиской подозреваемого (обвиняемого).

Нельзя не отметить, что с развитием цифровых технологий в России правоохранительными органами стали активно применяться усовершенствованные технические устройства, обеспечивающие контроль за исполнением домашнего ареста. Рассмотрим их особенности более подробно.

В случае наложения запрета на выход из жилого помещения контроль осуществляется при поддержке электронного браслета, который устанавливается на теле подозреваемого (обвиняемого), со стационарным устройством, ретранслятором и прибора аудиовизуального контролирования. Если же лицу допускается находиться в конкретное время за пределами места исполнения меры пресечения, то используется электронный браслет с мобильным устройством, ретранслятором, индивидуальным трекером, устанавливаемым на теле подозреваемого (обвиняемого), и устройством аудиовизуально контролирования. Другие технические приборы устанавливаются в месте исполнения меры пресечения. Индивидуальный трекер носится совместно с электронным браслетом для отслеживания местоположения по сигналам глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС/GPRS, а электронные приспособления обеспечивают постоянный прием сигналов электронного браслета и предупреждают о попытках его снятия, повреждения.

Указанные выше средства порой не позволяют осуществлять контроль за соблюдением определенных запретов и ограничений. Большинство из них предназначены для отслеживания местонахождения на расстоянии и для голосовой идентификации. Намного сложнее осуществлять контроль за соблюдением запрета подозреваемым (обвиняемым) на использование средства связи Интернет, если при этом ему еще разрешено в определенное время находиться вне места исполнения меры пресечения и установлены места, которые ему разрешено посещать.

Установив технические средства контроля, с лицом, в отношении которого применена данная мера пресечения, сотрудник инспекции подписывает акт приема-передачи. Если подозреваемый (обвиняемый) повреждает техническое средство контроля, то подлежит ответственности согласно ст. 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Личная проверка сотрудниками производится в любое время дня, кроме ночного. Если работниками уголовно-исполнительной инспекции устанавливается прецедент нарушения подозреваемым (обвиняемым) условий содержания под домашним арестом, в том числе в части применения аудиовизуальных, электронных и других технических средств, они должны в течение двух часов уведомить о данном факте следователя либо дознавателя, а также направить в течение 24 часов извещение о несоблюдении условий содержания под домашним арестом для подачи в суд следователем (дознавателем) ходатайства об изменении меры пресечения. В случае отсутствия подозреваемого (обвиняемого) в месте исполнения меры пресечения информация об этом передается лицу, осуществляющему расследование уголовного дела, для организации розыскных мероприятий.

Домашний арест назначается сроком на два месяца, но если невозможно в указанный срок завершить предварительное расследование, то срок нахождения под домашним арестом может быть продлен, максимум до 18 месяцев. Время содержания под стражей засчитывается в срок домашнего ареста, последовательность применения данных мер значения не имеет. Срок домашнего ареста и содержания под стражей в совокупности не может быть больше срока содержания под стражей; таким образом, срок исполнения лицом меры пресечения в виде домашнего ареста приравнивается к сроку исполнения меры пресечения в виде заключения под стражу.

В целях более детального рассмотрения вышеизложенных спорных вопросов и домашнего ареста как меры пресечения нами было проведено анкетирование гражданина К., который с 5 июня 2018 года по 5 февраля 2019 года являлся подозреваемым в деле о применении насилия в отношении представителя власти и об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, предусмотренных ст. 318 и ч. 3 ст. 111 УК РФ, в отношении которого была применена мера пресечения — домашний арест. Домашний арест к гражданину К. был применен по ходатайству следователя, сроком в общей совокупности восемь месяцев. «В течение всех восьми месяцев на моей ноге был закреплен специальный браслет, который нельзя было снимать, а в доме были установлены два специальных устройства в виде стационарного телефона, с помощью них устанавливалось мое местонахождение. В случае если я отходил от этих устройств на расстояние дальше 20 метров, фиксировалось нарушение. Пользоваться сотовой связью и сетью Интернет было запрещено, выходить из дома было разрешено лишь с 14:00 до 16:00 (в 15:45 уже необходимо было находиться дома)», — говорит сам гражданин К. На вопрос, можно ли было нарушить данные запреты, К. утверждает, что можно, например, найти способ выхода в интернет, если ты проживаешь в доме не один, однако всегда есть вероятность того, что данное нарушение может быть выявлено, поэтому лучше этого не делать. По мнению К., время нахождения под домашним арестом было для него самым ужасным за всю жизнь, ведь человеку, который постоянно находится в движении, сидеть взаперти и не иметь доступа ни к каким «развлечениям» очень сложно, однако он утверждал: «Я понимаю, что ко мне могла бы быть применена другая мера пресечения, у меня бы не хватило средств для залога, но могли назначить, например, заключение под стражу, и я понимаю, что в этом случае мне бы пришлось намного тяжелее, ведь, находясь там, человек ощущает себя уже поистине виновным и заключенным навсегда». К. также отметил, что устройства, которые были установлены на нем и в жилище, не раз давали ложные сигналы инспекции, осуществляющей контроль над ним, фиксировались нарушения установленных запретов, будто бы К. выходил из дома, однако, как утверждает сам К., он не покидал жилище. По этой причине К. установил в доме устройство видеofиксации, для того чтобы при повторной ложной сигнализации иметь возможность подтвердить, что установленного порядка не нарушал. На сегодняшний день К. утверждает: «Бесспорно, домашний арест влияет на человека. За время, которое ты находишься под определенными запретами и ограничениями, задумываешься о многом, о том, что всегда есть возможность поступить иначе, и прежде, чем что-либо делать, необходимо долго подумать. И я рад, что по отношению ко мне был применен домашний арест и я не ощутил на себе морального давления в той степени, которое ощущается при нахождении под стражей».

В результате проведенного анкетирования человека, который на себе ощутил, что такое нахождение под домашним арестом, мы делаем вывод: как и говорилось ранее, данная мера пресечения является более мягкой, чем заключение под стражу, однако и в ней, как и в любой сфере, существуют определенные проблемы в реализации контроля за местонахождением подозреваемого (обвиняемого), несмотря на активное внедрение цифровой среды. В целях устранения данных проблем предлагается: помимо устройств, обеспечивающих слежку за местонахождением подозреваемого (обвиняемого), и иных, в обязательном порядке устанавливать видеofиксирующие устройства, так как по статистике ложные сигналы нарушения установленного режима случаются достаточно часто, даже в век современных технологий система может дать сбой, что в дальнейшем окажет влияние на судебный приговор и судьбу человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быков В. М. Закон о домашнем аресте подозреваемого или обвиняемого: научный комментарий // Административное и муниципальное право. 2012. № 3. С. 14–20.
2. Головинская И. В. Генезис мер пресечения в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве // Российский следователь. 2008. № 11. С. 12–15.
3. Головинская И. В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Современное право. 2016. № 3. С. 90–96.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок,

- внесенных Законами РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Жилиев Р. М., Первозванский В. Б., Медведева И. Н. О некоторых проблемах избрания судами меры пресечения в виде домашнего ареста и путях их решения // Российская юстиция. 2013. № 11. С. 49–52.
6. Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 9 дек.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 18.02.2013 № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 8. Ст. 838.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 03.12.2015 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений: утв. приказами Министерства юстиции Российской Федерации № 26, Министерства внутренних дел Российской Федерации № 67, Следственного комитета Российской Федерации № 13, Федеральной службы безопасности № 105 от 11.02.2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201603250019> (дата обращения: 15.05.2018).
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
13. Важный инструмент следователя: почему не пустеют СИЗО [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru/story/214521> (дата обращения: 15.05.2018).

СУБЪЕКТ ПРАВА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

И. А. Подолинский,
студент ИГиП ТюмГУ,
направление «Юриспруденция»,
Ииа.podolinsky@mail.ru
Научный руководитель:
А. С. Григорьев,
доцент кафедры теории государства и права
и международного права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент,
a-grigorev@list.ru

В современных реалиях, безусловно, есть все основания полагать, что проблема влияния цифровизации на отдельно взятого человека, общество и государство действительно актуальна как никогда ранее. Цифровые технологии с маниакальной скоростью проникают в необъятные просторы нашей жизни. Ни для кого не секрет, что многие процессы сегодня оптимизируются благодаря внедрению цифровизации; абсолютно всё, что идет в ногу со временем, вынуждено трансформировать себя и черпать как можно больше передовых технологий. И, как следствие, всё это порождает новые правоотношения, новые правовые механизмы воздействия, новое представление о субъектах этих правоотношений, новые лазейки в законе, не поддающиеся регу-